

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова, А.О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690091, Россия
(e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru, orlova.na@dvfu.ru,
panfilova.ao@dvfu.ru)

В статье рассматриваются основные подходы к понятию «аномия» и черты ее проявления в современном обществе, анализируется система ценностей разных поколений россиян и их влияние на состояние аномии. Взросление ряда поколений россиян пришлось на смену социально-экономического и политического устройства страны, что вынудило их приспосабливаться и принимать иные ценности, чем сформированные в процессе социализации. Сегодня можно говорить о поколении, чьи ценностные координаты полностью сформировались в новых экономических и политических условиях. Кроме того, российское общество, еще не до конца преодолев трансформационные потрясения постсоветского периода, продолжает служить хорошей эмпирической базой для изучения аномии и сопутствующих ей явлений (отказа от социально одобряемых целей и/или способов их достижения). Эмпирическая основа статьи — данные авторского исследования 2017 года и Всемирного исследования ценностей по России. Эмпирические данные показывают, что влияние аномии проявляется во все возрастающем приоритете материальных и прагматичных ценностей, нарастающей индивидуализации социальных практик, социально детерминированных переживаниях одиночества и тревожности, устойчивых сомнениях в ценностном значении и необходимости честности, верности, скромности, совестливости, неопределенности или неоформленности стратегических ориентаций, а также в принятии разных форматов мертоновского ретритизма как способа преодоления негативных социально-психологических последствий аномического состояния общества. Эмпирические данные позволили подтвердить гипотезу о социально-типическом характере аномии, указать на некоторые сопутствующие ей явления и взаимосвязи, обозначить инструментальные возможности эмпирического изучения аномических тенденций. Также отмечена релевантность имеющейся эмпирической информации теоретическим принципам исследования аномии.

Ключевые слова: аномия; социальные ценности; ценностные ориентации; нормы; современное российское общество; одиночество; доверие

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АНОМИИ

Социальная система общества регулируется при помощи норм, которые задают ее границы и устойчивость, направляют индивидов к принятию определенных ценностей и их практической реализации. В случае отсутствия системы ценностей и норм человек оказывается в ситуации безнормия или «ценностно-нормативного вакуума», т.е. аномии. Э. Дюркгейм обнаруживал ее на стыке двух систем ценно-

* © Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О., 2018.
Статья поступила в редакцию 26.07.2018 г.

стей и норм, когда старая уже изжила себя и не работает, а новая еще не сформировалась и не задает ценностные ориентиры действия [8]. Аномической является социальная система, в которой отсутствуют или крайне неустойчивы императивы и правила, регулирующие отношения индивида и общества [1. С. 145], а индивид следует социальным «нормам не потому, что это выгодно, а потому, что это следование становится самоцелью благодаря ярко выраженному эмоциональному отклику» [20. С. 252].

Р. Мертон усматривал причину аномии в рассогласовании декларируемых обществом целей (рост материального благосостояния, повышение социального статуса и т.д.) и предлагаемых институциональных средств их достижения [16]. Индивид сталкивается с тем, что имеющимися в его распоряжении средствами цель невозможно достичь, и это порождает у него состояние аномии. В такой ситуации человек прибегает к одному из видов поведения: конформизм (стереотипные реакции под давлением общества); ритуализм (бездумное сохранение институциональных норм); изоляция (выход из системы социальных связей); мятеж (внедрение новых целей и средств их достижения); инновация (использование неодобряемых, но эффективных средств).

Представители институциональной теории аномии С. Месснер и Р. Розенфельд видят причину аномии во все возрастающем влиянии экономики на социальные институты и в нарушении институционального баланса сил. Доминирование экономических институтов ослабляет остальные неэкономические институты и ведет к снижению социального контроля. «Господство экономики, присущее американскому рыночному обществу, проявляется ...в трех взаимосвязях» [28. С. 76]: во-первых, неэкономические институты «девальвированы» и их социальные функции подчинены экономическим интересам (например, образование имеет ценность только для трудоустройства и получения зарплаты); во-вторых, социальные институты приспособляются к требованиям и изменениям экономики; в-третьих, меняется «американская мечта» — нормативные ограничения теряют силу и определяющим становится достижение цели любыми средствами. Таким образом, аномия — это одержимость экономическим успехом.

Казалось бы, аномия имеет ряд преимуществ — нет социальных норм, делай, что хочешь, а победителей, как известно, не судят. Однако безнормность стирает границы дозволенного и лишает прав и возможностей, что порождает чувство беспомощности и незащищенности: «Отсутствие или простая неясность норм — аномия — это худшая участь, которая может выпасть людям, когда они стараются решить свои жизненные задачи. Нормы дают возможность, поскольку они лишают возможности; аномия предвещает лишение прав, полное и простое» [1. С. 27]. Характерное для современного общества состояние текучести становится нормой, следовательно, аномия стала обыденностью, а размытость ценностей и норм — важнейшей характеристикой современного социума. Так, появились «объективные факторы глобального порядка, способствующие превращению безнормия, по существу, в норму современной жизни» [12. С. 18]. Этот процесс затрагивает все общества и характеризуется появлением не-мест, не-людей, не-вещей, не-еды,

не-услуг, не-знаний и не-событий, которые порождают «нормальную» аномию. Ряд исследователей считает, что общество, которое мы знаем, обречено, и ближайшие 25—50 лет существующая социальная система распадается и сменится пока еще неясной альтернативой [2].

С.А. Кравченко указывает, что аномия как постоянное «нормальное» социальное явление «ведет к расширяющейся совокупности уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [13. С. 3]. Если в индустриальном обществе тяга человека к риску, выбор деятельности или активностей, сопряженных с повышенным риском, считались девиацией, то сейчас можно говорить о добровольном принятии людьми риска как нормы. С другой стороны, не стоит забывать, что «онтологической безопасностью» для человека является ощущение стабильности и упорядоченности окружающего мира, уверенность в завтрашнем дне [4]. Но в современном мире процессы глобализации и модернизации снижают уровень социального доверия и порождают социальную изоляцию и аномию: «существует широкая и растущая брешь между общественным положением людей де-юре и их возможностью стать индивидами де-факто, т.е. управлять своей судьбой и выбирать варианты, которые они действительно желают» [1. С. 47]. Аномия — это «двойная жизнь как норма» [11. С. 9].

В целом относительно понятия аномия сложилось две традиции. Первая берет начало от Э. Дюркгейма и рассматривает аномию как социальное явление, состояние общества, когда распадается существовавшая система ценностей и норм, что приводит к отсутствию социального порядка и дезинтеграции. Вторая традиция [см., напр.: 28] описывает аномию как явление индивидуальное, психологическое, как чувство потери ориентации в жизни, часто вызванное необходимостью следовать противоречащим друг другу социальным нормам. Р.М. Макайвер [27] характеризует данное состояние как чувство социального разъединения и опустошения в результате утраты ощущения принадлежности к обществу, следовательно, если оно принимает массовый характер, то большие группы людей как бы выпадают из общества.

Состояние социальной аномии неизбежно усиливается, когда происходят серьезные изменения, затрагивающие социальную структуру и нормы, причем характер трансформаций не так важен: революция или реформы, регресс или прогресс — все они создают благоприятные условия для ослабления интегрирующих сил и усиления дезинтегрирующих. Например, в истории современного российского общества такими изменениями следует признать события перестройки и переход к рыночным отношениям, которые привели к столь серьезным сдвигам в макросоциальных и микросоциальных процессах, что многие россияне ощущали себя иммигрантами в собственной стране [19. С. 82]. Отчасти российское общество заплатило за радикальные экономические реформы «пренебрежением нравственно-психологическим миром человека» [16. С. 63], поскольку принцип «победителей не судят» стал на долгое время главенствующим. Обществу была навязана идея о необходимости создания класса собственников любой ценой, что

снимало с «выигравших» любые моральные ограничения при «создании» первоначального капитала. Во многом именно несправедливым переделом собственности многие авторы объясняют непринятие населением рыночных реформ: большая часть населения, воспитанная в других ценностях, «психологически не воспринимает и не принимает тот социально-экономический уклад, который возник в стране после реформ 1990-х годов» [17. С. 61].

Общество в состоянии аномии характеризуется дезинтеграцией и дерегулированием — отсутствием доверия и разрушением моральных стандартов [30]. Ф. Фукуяма подчеркивает, что формируется своеобразный замкнутый круг, вызванный деградацией социальных ценностей, ранее скреплявших общество, что приводит к утрате семейных ценностей и чувства защищенности из-за роста преступности, а, как следствие, снижается уровень доверия и сотрудничества [20; 21]. Социальные ценности — фундамент доверия в обществе, определяющий характер социальных отношений, способствующий установлению горизонтальных и вертикальных связей, поддержанию устойчивости и интегрированности общества [22. С. 8]. Доверие — основа солидарности и сотрудничества, поддержания единой системы ценностей и противодействия нарушению социальных норм. Уровень доверия во многих странах сегодня снижается, поскольку глобализационные процессы порождают социальную изоляцию и аномию. Так, в международном рейтинге институционального доверия Россия занимает последние позиции: 36—37% в 2013—2014 годы, 45% — в 2015, 42% — в 2016 [31], т.е. общество не готово к интеграции и поддержанию коллективных целей.

Волна потребительства захлестнула Россию после перехода к капиталистическому укладу, что породило меркантильный индивидуализм и утрату социальной солидарности: «материально-вещное окружение современного человека стало необычайно разнообразным, а типы отношений между людьми, наоборот, более однообразными, функциональными, а не эмоционально-духовными, возвышающими, укрепляющими жизненные силы» [5. С. 75]. «Потребительское общество из-за деконсолидированности представляет собой совокупность индивидов как целое, которое меньше суммы своих частей» [10. С. 113]. Кроме того, изменились не только масштабы, но и суть потребления: люди приобретают вещи не столько для удовлетворения базовых витальных потребностей или повышения качества жизни, сколько для демонстрации социального статуса, который ассоциируется с престижностью вещи. Такое потребление «в принципе не может быть удовлетворено так, как это происходит в классическом понимании процесса потребления, где главным выступает не использование вещи, а сам акт покупки, который и является актом строительства и воспроизводства собственной идентичности» [18. С. 61]. Это приводит к дроблению, фрагментации идентичностей и их неустойчивости, а на уровне общества — к «эпохе меньшинств» [18. С. 64].

Фетиш денег, лежащий в основе «американской мечты» и порождающий все нарастающее потребление, стал единственным показателем личного успеха, перебрался через океан и доминирует во многих капиталистических обществах. А индивидуализм как ценность американского общества вместе с ориентацией

на достижения усугубляет состояние аномии, так как сталкивает людей — каждый стремится максимизировать денежную прибыль и самооценку [28. С. 69]. Следует помнить, что западное общество позиционирует себя как общество равных возможностей, а такой принцип универсализма подчеркивает личную ответственность за достижение цели, соответственно, недоступность одобряемых средств сегодня не является оправданием для неуспешности индивида.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Э. Дюркгейм считал, что ценность «проистекает из связи вещей с различными аспектами идеала» [9. С. 301]. Соответственно, вещи имеют ценность, если отображают какой-либо аспект идеального, и чем больше вещь воплощает в себе идеал, тем большую ценность она представляет. Социальные идеалы могут формулироваться «только в языке и через язык, представляющий собой вещь в высшей степени коллективную» [9. С. 295], «осознавать самих себя только при условии, что они фиксируются в вещах, которые можно всем увидеть, всем понять, всем представить» [9. С. 300].

Реформы 1990-х годов коренным образом изменили российское общество — социальную структуру, мобильность, институты, отношения и, конечно, ценности. С.Г. Кара-Мурза выделяет здесь четыре раскола [11], которые породили аномию: раскол между бедными и богатыми, между поколениями, мировоззренческий и этнокультурный. На наш взгляд, их нельзя разделять, так как они имеют единые корни — кардинальные изменения социально-экономической и политической системы государства, глубина и масштабность которых обусловили «феноменально низкий уровень субъективного благополучия» в странах бывшего Советского Союза [26. С. 218].

Достигнув зрелости, человек не склонен менять свои ценности, а стремится сохранить усвоенные, но социально-экономические перемены не могут не оказывать влияние на жизненный опыт и ценности индивида. Согласно Р. Инглхарту фундаментальная смена ценностей происходит постепенно — по мере того, как на смену прежним поколениям приходит молодое [25. С. 132]. Различия в ценностях поколений характерны не только для западноевропейского общества, поскольку во всех социальных системах опыт младших возрастных когорт существенно отличается от того, что сформировал старшие поколения [25. С. 145].

О постоянном изменении «господствующих» ценностей можно судить по результатам Всемирного исследования ценностей, которое проводится на всех континентах с 1981 года. Изменения ценностей в результате социально-экономических реформ затрагивают в первую очередь тех, чье формирование приходится на данный период, и новые ценности начинают доминировать лишь спустя 15—18 лет после начала преобразований [15. С. 146].

Считается, что базовая структура ценностей человека кристаллизуется к совершеннолетию и после достижения зрелости почти не меняется [25. С. 132]. Люди склонны принимать те ценности, что воспринимали в ходе социализации,

поэтому люди, чье взросление происходило в разных условиях, будут демонстрировать разный набор базовых ценностей, а при смене поколений будет происходить и смена базовых ценностей общества.

В российском обществе можно выделить три когорты, чьи ценности сформировались в разных условиях. Первая группа — поколение, чьи базовые ценности сложились еще в Советском Союзе (к моменту перестройки они были старше 15 лет), в советской системе воспитания (октябрята, пионерия, комсомол). Вторая когорта — своеобразное «переходное» поколение, чье рождение пришлось на 1970—1985 годы: оно лишь частично ощутило на себе влияние советской системы воспитания, столкнулось с необходимостью пересмотра еще не до конца сформировавшихся ценностей и адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям. Формирование базовых ценностей и образцов поведения данного поколения происходило в ситуации аномии. Третья социально-демографическая группа — те, чье рождение и взросление пришлось на период после начала перестройки, на новые политические и экономические условия, к которым им не нужно было адаптироваться [см., напр: 19].

Данная модель возрастной дифференциации легла в основу исследовательской гипотезы о неоднородности изменений в ценностной структуре у разных поколений приморцев: 18—30 лет, 31—45 лет, 46—75 лет. Генеральная совокупность — 1923,1 тысяч человек, выборочная совокупность — 918 человек. Опрос проводился по авторской методике и методике измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца на базе Дальневосточного федерального университета (Владивосток) в сентябре 2017 года.

Наиболее неожиданным результатом стало затруднение значительной доли респондентов в ранжировании ценностей как руководящих жизненных принципов (табл. 1): 28%, 22% и 14%, соответственно, в молодой (1 группа), средней (2 группа) и старшей (3 группа) подвыборках. Часть респондентов отметили, что не вполне понимают или отрицают для себя конструкт «руководящие жизненные принципы», часть затруднилась их обозначить, часть указала на отсутствие таковых в данный период.

Ранжирование респондентами предложенных ценностей представлено в таблице 2.

Таблица 1

**Отношение респондентов к конструкту
«ценности как руководящие жизненные принципы», %**

Варианты ответов	18—35 (молодежная под- группа)	36—45 (подгруппа среднего возраста)	46—75 (подгруппа старшего возраста)
Затруднились ранжировать ценности как руководящие жизненные принципы	28	22	14
Отрицают актуальность / существование в данный момент таких принципов	22	14	3
Не понимают сути конструкта	8	11	2

Таблица 2

Ранжирование ценностей тремя группами респондентов, %

Ценности	Молодежная подгруппа	Подгруппа среднего возраста	Подгруппа старшего возраста
Свобода (как возможность личного выбора)	64	57	38
Смысл жизни как:			
наличие жизненных целей и ориентиров	32	62	50
удовольствие от жизни	36	54	36
богатство / материальная независимость	66	62	58
жизнь, полная впечатлений (новизна ощущений, яркость жизни, «нескучность»)	28	16	13
внутренняя гармония (быть в мире с самим собой)	12	56	74
социальная сила (контроль над другими, доминантность)	18	28	12
равенство как наличие равных возможностей	10	45	59
социальное признание как одобрение и уважение других	16	42	28
личный авторитет (для других)	12	28	24

У респондентов первой группы преобладающими ценностями стали: богатство и материальная независимость; свобода; смысл жизни, понимаемый, в первую очередь, как наличие жизненных целей; удовольствие; жизнь, полная впечатлений, и стремление к новым ощущениям и новизне. Реже отмечались в этой группе ценности равенства как равных возможностей для всех; социального признания как одобрения и уважения других; авторитета. В этой группе выражена ориентация на ценности гедонистического характера, а также тяготение к соответствующим целям. П. Линке отмечает, что с перестроечного времени молодые люди сосредотачивают свое внимание на точечных задачах «здесь и сейчас», их не интересуют грандиозные проекты [14].

Среди качеств, наиболее социально пригодных и важных (табл. 3), молодые респонденты отмечают, прежде всего, здоровье — физическое и душевное; самостоятельность и смелость; успешность — как способность достигать целей и возможность выбирать и ставить собственные цели. Примечательна низкая востребованность таких качеств, как честность, послушность, полезность и скромность, т.е. работа на благо других, особенно на фоне самостоятельности, влиятельности, целеустремленности.

Таблица 3

Качества, наиболее востребованные респондентами, %

Качества в ценностном измерении	Молодежная подгруппа	Подгруппа среднего возраста	Подгруппа старшего возраста
Здоровый (не больной физически или душевно)	85	96	96
Успешный (достигающий цели)	81	72	64
Смелый (ищущий приключений, риск)	66	32	16
Самостоятельный (надеющийся на себя, самодостаточный)	76	56	47
Выбирающий собственные цели (руководствующийся собственными намерениями)	58	46	23
Принимающий жизнь (подчиняющийся жизненным обстоятельствам)	12	56	74
Честный (откровенный, искренний)	8	28	36
Наслаждающийся жизнью (наслаждение едой, развлечениями, близостью и т.д.)	40	25	19
Скромный (простой, не стремящийся привлечь к себе внимание)	8	22	38
Влиятельный (имеющий влияние на людей и события)	42	28	24
Полезный (работающий на благо других)	12	30	57
Послушный (исполнительный, подчиняющийся правилам, предсказуемый)	10	33	42

В средней группе (как и в старшей) бесспорным лидером выступает здоровье, но прочие акценты несколько иные: востребованы успешность, самостоятельность, но выше ценится и способность принимать жизнь и подчиняться ее обстоятельствам. Адаптивность — качество, гораздо более присущее старшим респондентам. В целом с возрастом снижается важность гедонистических мотивов и возрастает значение честности, цельности характера, полезности в ее альтруистическом смысле. Вместе с тем выраженная ориентация на материальные ценности отличает представителей всех групп.

Абсолютное большинство (с незначительными колебаниями) отметили высокую личную значимость базовых ценностей — крепкой семьи и детей, надежных друзей, взаимной поддержки и занятия любимым делом, что выступает безусловной основой социальных и личностных устремлений практически любого человека. Профессионализм и престижность работы увязываются, в первую очередь, с карьерными устремлениями и достойным заработком, а затем — с личностной самореализацией. В таблице 4 представлены личные устремления респондентов на момент опроса. Карьерные устремления и достойный заработок представлены у всех групп: приобрести собственную квартиру (дом) хотя бы после 2—3 (максимум) лет непрерывной работы; покупать то, что действительно хочется и когда хочется (не откладывая покупку и не размышляя над практической надобностью вещи); путешествия в разные страны мира, хотя бы 2—3 раза в год; ощущение стабильности и защищенности.

Таблица 4

Личные устремления респондентов

18—35 лет	36—45 лет	46—75 лет
Закончить обучение / получить специальность / реализовать себя в деле	Поддержка / обеспечение материального благополучия	Поддержка, помощь близким / воспитание детей / внуков
Начать зарабатывать (для тех, кто еще не работает) / зарабатывать больше (для работающих) / строить карьеру	Психологическая стабильность / спокойствие / душевное равновесие	Психологическая стабильность / спокойствие / душевное равновесие
Поиск любви / создание семьи / поддержание дружбы	Достойное воспитание / обучение детей	Личный заработок / любимое занятие

Структура ответов позволила предположить, что в определенной мере сформированность и проявления материалистичности и прагматизма компенсаторны — на фоне приведенных ниже переживаний и состояний, хотя следует отметить и присутствие факторов финансовой независимости и покупательской активности в их взаимосвязи с восприятием свободы и душевного спокойствия. Среди представителей старшей подгруппы более заметна ориентация на душевное равновесие, спокойствие и психологический комфорт, отсутствие напряженности и чувства беспокойства, а склонность к риску, новизне ощущений, повышение покупательской активности, наоборот, выражены в этой группе в меньшей степени. Значительная часть респондентов, особенно среднего и старшего возраста, отметила частые переживания беспокойства, тревожности, личной неспособности повлиять на окружающий мир или ситуации, служащие источниками этих переживаний. Деньги и связанные с ними возможности выступают единственным доступным

способом защиты от внешних вызовов и опасностей. Согласия с суждениями, что «цель оправдывает средства», «я часто чувствую себя одиноким», «все вокруг очень неопределенно, может случиться что угодно», «доверять кому-то сейчас очень сложно и опасно» и т.п. показывают высокую психологическую уязвимость человека, глубину личностного переживания незащищенности и нереализованность ценности доверия.

Важнейшим индикатором социальной аномии выступает уровень одиночества. Около трети респондентов (24%, 33% и 28% по возрастным группам, соответственно) часто испытывают чувство одиночества как «невписанности» в общественные параметры, отчужденности от «истинного» и «полноценного» ритма жизни, невозможности ему следовать. Почти в половине случаев на ощущение неприспособленности к современному ритму жизни, неопределенности ориентиров и идеалов накладывалось непонимание реальной цены и ценности происходящего и, что особенно показательно, нежелание их знать.

Тем не менее, вполне предсказуемо для молодежи характерен больший социальный оптимизм, желание сделать жизнь более насыщенной, яркой и интересной. Несколько больший уровень тревожности продемонстрировали респонденты старшего возраста, наибольшую востребованность карьерных и финансовых достижений — представители средней когорты. Однако в целом влияние аномии фиксируется у всех трех групп в высокой материалистичности и прагматичности ценностной структуры и индивидуализации социальных практик. По сути, такие особенности мотивационных установок и поведенческих практик говорят о выборе в качестве формата адаптации к аномической действительности мертоновского ретритизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бауман З. *Текущая современность*. СПб., 2008.
- [2] Валерстайн Э. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М., 2004.
- [3] Владимирова Т.В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. XV. № 2.
- [4] Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М., 2005.
- [5] Глухова Т.И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества // *Журнал социологии социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 5.
- [6] Громов И.А., Лукьянов В.Г. *Методология научного познания и теория ценностей Э. Дюркгейма* // *Социологические исследования*. 2010. № 8.
- [7] Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991.
- [8] Дюркгейм Э. *Самоубийство: социологический этюд*. М., 1994.
- [9] Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М., 1995.
- [10] Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // *Социологический журнал*. 2014. № 3.
- [11] Кара-Мурза С.Г. *Аномия в России: причины и проявления*. М., 2013.
- [12] Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // *Вестник Института социологии РАН*. 2015. № 3.
- [13] Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии» // *Социологические исследования*. 2017. № 2.
- [14] Линке П. Потерянное поколение в мастерской будущего // *Альтернативы*. 2012. № 1.

- [15] *Мастикова Н.С.* Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5.
- [16] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- [17] *Симомян Р.Х.* Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 3.
- [18] *Смирнов В.Э.* Потребительство и «борьба» с ним (социально-экономический подход) // Социология. 2016. № 4.
- [19] *Федотова Н.Н.* Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. IX. № 3.
- [20] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004.
- [21] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- [22] *Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П.* Доверие и общественное развитие в России // Проблемы развития территории. 2015. № 2.
- [23] *Chamlin M.B., Cochran J.K.* An evaluation of the assumptions that underlie institutional anomie theory // *Theoretical Criminology*. 2007. No. 11.
- [24] *Hughes L.A., Schaible L.M., Gibbs B.R.* Economic dominance, the “American Dream”, and homicide: A cross-national test of institutional anomie theory // *Sociological Inquiry*. 2015. Vol. 85. No. 1.
- [25] *Inglehart R.F.* Changing values among western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31. No. 1—2.
- [26] *Inglehart R.F.* Globalization and postmodern values // *Washington Quarterly*. 2000. Vol. 23. No. 1.
- [27] *MacIver R.M.* *The Ramparts We Guard*. New York, 1950.
- [28] *Messner S.F., Rosenfeld R.* *Crime and the American Dream*. Belmont, 2007.
- [29] *Srole L.* Social integration and certain corollaries: An exploratory study // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21. No. 6.
- [30] *Teymoori A. et al.* Revisiting the measurement of anomie // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11. No. 7.
- [31] Trust Barometer. Annual Global Study // <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730

THE STATE OF VALUE SYSTEM AS A FACTOR OF ANOMIE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY*

E.Yu. Kostina, N.A. Orlova, A.O. Panfilova

Far Eastern Federal University
Sukhanova St., 8, Vladivostok, 690091, Russia
(e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru, orlova.na@dvfu.ru,
panfilova.ao@dvfu.ru)

Abstract. The article considers main approaches to the concept ‘anomie’ and its manifestations in the contemporary society, analyzes the system of values of different generations in Russia and their influence on the state of anomie. The maturing of a number of Russian generations was influenced by the radical changes in the country’s social-economic and political structure, which forced generations

* © E.Yu. Kostina, N.A. Orlova, A.O. Panfilova, 2018.

The article was submitted on 26.07.2018.

to adapt and to accept other values than those formed in the process of socialization. Today we can identify a generation whose value orientations were formed in the new economic and political conditions. Moreover, the Russian society has not yet overcome the transformational upheavals of the post-Soviet period, thus, it continues to serve as a good empirical base to study anomie and its concomitant phenomena (rejection of socially approved goals and/or ways to achieve them). The empirical basis of the article is the data of the 2017 authors' survey and the Russian data of the World Values Survey. Empirical data show that anomie manifests itself in the increasing priority of material and pragmatic values, growing individualization of social practices, socially determined experiences of loneliness and anxiety, persistent doubts about the value and necessity of honesty, loyalty, modesty and conscientiousness, uncertainty or lack of strategic orientations, and in accepting different formats of R. Merton's reitritism as a way to overcome negative social-psychological consequences of the anomic state of society. Empirical data allowed the authors to confirm the hypothesis of the social-typical nature of anomie, describe some phenomena and interconnections related to the anomic situation, and identify instrumental possibilities of the empirical study of anomic tendencies. The authors also emphasize relevance of the available empirical data to the theoretical principles of the sociological study of anomie.

Key words: anomie; social values; value orientations; social norms; contemporary Russian society; loneliness; trust

REFERENCES

- [1] Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [2] Wallerstein I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [3] Vladimirova T.V. Razvitie struktur nakopleniya i uskoreniya deviatsii kak uslovie bezopasnosti obschestva [Development of the structures of accumulation and acceleration of deviation as a public safety condition]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2012; XV (2) (In Russ.).
- [4] Giddens E. *Ustroyenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [5] Glukhova T.I. Potreblenie kak faktor izmeneniy v sotsialnoy zhizni rossiyskogo obschestva [Consumption as a factor of changes in the life of Russian society]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2011; XIV (5) (In Russ.).
- [6] Gromov I.A., Lukyanov V.G. Metodologiya nauchnogo poznaniya i teoriya tsennostey E. Durkheima [Methodology of scientific knowledge and E. Durkheim's theory of values]. *Sosiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 8 (In Russ.).
- [7] Durkheim E. *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [8] Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsiologicheskiy etyud* [Suicide]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [9] Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [10] Ilyin A.N. Dekonsolidatsiya i depolitizatsiya, kharakternye dlya obschestva potrebleniya [Deconsolidation and depoliticization typical for the consumer society]. *Sociologicheskiy Zhurnal*. 2014; 3 (In Russ.).
- [11] Kara-Murza S.G. *Anomia v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [12] Kravchenko S.A. 'Normalnaya anomia': proizvodstvo 'nichts' ['Normal anomie': The production of 'nothing']. *Vestnik Instituta Sociologii RAN*. 2015; 3 (11) (In Russ.).
- [13] Kravchenko S.A. Sosuschestvovaniye riskofobii i riskofilii — proyavlenie 'normalnoy anomii' [The coexistence of riskophobia and riskophilia is a manifestation of 'normal anomie']. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 2 (In Russ.).
- [14] Linke P. Poteryannoe pokolenie v masterskoy buduschego [The lost generation in the workshop of the future]. *Alternativy*. 2012; 1 (In Russ.).

- [15] Mastikova N.S. Tsennosti rossiyan i zhitel'ev evropeyskikh stran-liderov (po dannym evropeyskogo sotsialnogo issledovaniya) [Values of the Russians and residents of European countries-leaders (according to the European Social Survey)]. *Monitoring Obschestvennogo Mneniya*. 2013; 5 (In Russ.).
- [16] Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [17] Simonyan R.Kh. Rossiyskie ekonomicheskie reformy 1990-h godov: psikhologicheskie aspekty [Russian economic reforms of the 1990s: Psychological aspects]. *Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2013; 34 (3) (In Russ.).
- [18] Smirnov V.E. Potrebitel'stvo i "borba" s nim (sotsialno-ekonomichesky podkhod) [Consumerism and "struggle" with it (a social-economic approach)]. *Sociologiya*. 2016; 4 (In Russ.).
- [19] Fedotova N.N. Multikulturalizm i politika razvitiya [Multiculturalism and development policy]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2006; IX (3) (In Russ.).
- [20] Fukuyama F. *Velikiy razryv* [The Great Gap]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [21] Fukuyama F. *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [22] Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. Doverie i obschestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2015; 2 (In Russ.).
- [23] Chamlin M.B., Cochran J.K. An evaluation of the assumptions that underlie institutional anomie theory. *Theoretical Criminology*. 2007; 11 (1).
- [24] Hughes L.A., Schaible L.M., Gibbs B.R. Economic dominance, the "American Dream," and homicide: A cross-national test of institutional anomie theory. *Sociological Inquiry*. 2015; 85 (1).
- [25] Inglehart R.F. Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008; 31 (1—2).
- [26] Inglehart R.F. Globalization and postmodern values. *Washington Quarterly*. 2000; 23 (1).
- [27] MacIver R.M. *The Ramparts We Guard*. New York; 1950.
- [28] Messner S.F., Rosenfeld R. *Crime and the American Dream*. Belmont; 2007.
- [29] Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study. *American Sociological Review*. 1956; 21 (6).
- [30] Teymoori A. et al. Revisiting the measurement of anomie. *PLoS ONE*. 2016; 11 (7).
- [31] Trust Barometer. Annual Global Study. <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property>.